

Анна ГАВРИЛЕНКО

Тильотина по-русски

О том, что можно от водки отвалиться, он узнал через «сарафанное радио». Мол, появился в округе лекарь, который запои лечит, а вот чем и как – секрет. То у него побывал, пить точно бросил, а через что – молчат.

– Ну, Васька, айда и ты туды же, – уговаривал сам себя Василий, – а то уж и черти с ангелами на проводах мерещить стало, так и до психушки недалеко.

Выпросил у жены денег с получки – сам-то уже и забыл, когда чистую рубашку на работу надевал. Ну, та дала – чем чёрт не шутит, а вдруг поможет, и заживут они, как прежде, в миру, да в ладу... А нет – хоть на несколько дён из дому вывалиться, достала его пьянка, до самой печенки достала.

Как пошёл Васька со двора, она вдруг перекрестила его в спину. А он будто почувал – встал, как вкопанный.

– Чё, зыбыл чего, аль сказать чё хошь? – засуетилась Татьяна.

Васька махнул рукой обреченно и пошел на остановку. В нужном месте вышел, оглянулся: место как место – дома, деревня, только народу никого – видно, на работе все или в огороде. Повертел головой, нашёл калитку самую приметную и решительно, как-то деловито постучал. И пока от дома слушал чьи-то шаги, вдруг стало себя жалко. То ли с водкой прощаться неохота, то ли с жизнью своей свободной и весёлой – не успел обдумать, и лишь кепку на глаза надвинул. Открыла баба – дородная, крепкая – не боялась его, скрюченного да сморщенного, ростом метр с кепкой, и спрашивать не стала – махнула рукой в нужную сторону и адрес лекаря назвала. С тем и калитку захлопнула.

Дом Васька отыскал легко – видно, торёна дорога не

одним мужиком. Кругом чистота, трава скошена. Постучался. Открыла опять же баба, но какая-то городская, «антилегентная». Не дожидаясь вопроса, выпалила заученно: – Виктор Николаевич сегодня уже не принимает, мест нет. – Это как же так? Не уйду. Вот деньги последние пропью – сами домой отправлять будете!

На крыльцо вышел крепкий мужчина. Послушав перебранку, сказал просто: – Пусть заходит.

У порога Васька разулся, как дома, и прошёл дальше за мужиком. В узком темном коридоре стояла ширма со стульями.

– Раздевайтесь, – услышал он женский голос.

– Как?

– Как-как... До трусов, конечно же. А иначе как?

Мелькнуло: «Хорошо хоть чистые надеи». Трусы хоть и последние, но поглаженные Танькой, со стрелками, как у бряк.

Вскоре он предстал перед лекарем, а это был тот же самый мужик, в семейных чёрных трусах до колен, из которых двумя шпильками торчали ноги. Чего-то разволновалась, Васька вцепился в дрожащими руками в резинку и стал нервно отправлять складки назад, как на солдатской гимнастёрке.

– Проходите в комнату... Как Вас там звать-величать? – Васькой... Василием... Петровичем.

– Проходите, Василий Петрович, сейчас и начнем сеанс. У меня свободный час выпал, и можно сказать, Вам повезло, – спокойно и как-то доверительно, с уважением произнес лекарь.

От такого обращения Васька даже распрямился, и вроде как мужское достоинство в нем проявилось. Шагнул за

порог, он мысленно ахнул: перед ним в красном углу, но ближе к середине, стояла широкая лавка – на такие раньше гробы с покойником ставили. Возле неё блестела ванна с водой, в которой лежали длинные тонкие прутья.

– Чё? – оторопело чёкнул он, глядя обалдевшими глазами на лекаря.

– Да ничё, снимайте трусы – и на лавочку, будьте добры...

– Куды? На лавку? Бить будете? – попытался Васька к выходу.

Лекарь, поймав безумный взгляд пациента, понял, что тот не знает, через какое испытание ему нужно пройти к трезвому будущему. Он дружески приобнял Васю и сказал:

– А садись-ка, Василий Петрович, рядом, да поговорим ладком. Ты, вижу, не знаешь, как я людей от водки отваживаю. Секрет мой прост: в старинных книгах вычитал я, что раньше, когда не было ЛТП разных, одно верное средство было – розги. Достаточно шестидесяти ударов ими, чтобы про зелёного змия забыть. Согласен или боишься? Если не захочешь, – немного помолчав, сказал он, – неволить не буду. Поезжай домой, но в следующий раз без предварительной записи не приму. Решай, не откладывая в долгий ящик. С тем и вышел из комнаты.

Это простое «ты» немного сыало напряжение. Перед Васькой пробежало его босое, битое отцом и пацанами детство. Юность, где доставалось ему за задиристый характер так, что неделями раны зализывал. Да и денег у него не куча, чтоб туды-сюды шлывать. Выдохнул неохотно громко и твердо:

– Бей, токо... в уборную дай сходить.

– А не сбежишь – впрямь решился? – донеслось из соседней комнаты.

– Не боись, куды я в трусах-то... в психушку токо.

Васька раньше, когда был помоложе, читать любил, особенно Симонова. Так в одной книге он и прочитал, что у хундо солдата перед боем всегда понос бывает. Поржал тогда над этим, представив солдата в непотребном виде под пулями. А теперь и сам убедился, что страх и впрямь нужду вызывает.

Опроставшись, он вдруг как-то скрючился, стремительно снял свои глаженные семейные и шлёпнулся на лавку, гремя костями и сопя – дыхание от чего-то сперло, и затих.

Лекарь молча подошел к ванне и взял первый прут. Васька съехался.

– Шас вдарит!

А тот постегал прутом по воздуху несколько раз, удовлетворенно хмыкнув, назад положил. Затем ремнями, которые Васька сразу и не приметил, пристегнул к лавке его плечи и ноги.

«Чтоб не убёг, – мелькнуло в голове, – или не свалился ненароком...»

Что было дальше, помнилось смутно. Перед каждым ударом душа его замирала и, казалось, вопила на всю губернию, а по телу выступала гусиная кожа. Когда удары затихли (али кончили все?) Васька не выдержал и застонал.

– Живой?

– А-то разя, – огрызнулся он, – не дожидетесь...

– Шутить – значит, живой. Вставай, милоч, я отвернусь, да телешай до койки в дальнюю комнату.

Покачиваясь и покряхтывая, Васька посеменил, неся на своих шпильках себя, как хрустальную вазу в женский день. Кое-как взгромоздился на кровать, похожую на топчан – прямую и широкую. Теплые

женские руки, которые чем-то его протирали и смазывали, казались безжалостными граблями.

– Что ж ты, милоч, один-то приехал? Завсегда эту работу жене делает или кто-то другой из родни.

Заживало медленно. Коросты беспрестанно трескались, и что-то липкое бежало то там, то тут. Спал на животе. Сон был беспокойным, то и дело прерывался, когда нужно было хоть как-то поменять позу. Аппетит пропал начисто. Васька только и делал, что беспрестанно пилароматный, настоянный на каких-то травах чай из красивого переливающегося кувшина.

И о чём только не передумал он за эту, казалось, такую длинную неделю. Раны стали подживать и почесываться.

– Ну вот. Теперь можно и домой отправляться, – констатировал лекарь после очередного осмотра и беседы. Потом подумал и осторожно спросил:

– Про то, как лечился, расскажешь кому?

Васька представил ржущих над ним мужиков и категорично ответил:

– Не-а, не проболтаюсь. А захотят тоже полечиться, отговаривать не буду.

Когда спускался с крыльца, лекарь провожать не вышел. Васька, как собака, шкурой почувствовал, что он еще с одного дурь выбивает. Хмыкнул довольнo. И вдруг почувствовал в себе какую-то новую силу. Она распрямляла его плечи и по телу пробежала такой волной, что даже кепка сместилась на затылок – как бескомысленно когда-то в молодости.

Дома перед Татьяной не разделся. И только в бане, когда позвал её спину пошоркать, она и увидела его, исполованного.

– И кто ж это тебя так-то? Ты где был, паразит?

– Цыц ты, курица, заглох-ни. Так надо.

И поведал Васька нехитрую историю своего исцеления – ведь по сегодняшней день он не брал в рот уже девять дней. И, в отличие от покойников, возвращался к жизни.

– Да не вздумай кому проболтаться, особенно своей Степановне – вся деревня будет издеваться надо мной. А трепанешь кому – приблю!

И так это он сказал, что Татьяна поверила – прибьет, точно прибьет. Больше она не задавала ни одного вопроса, а только молча, одними руками мягко смыла с Василия дорожную пыль. Сама не зная почему, она стала целовать оставшиеся короточкина его худенькой спине. Васька аж замер от такой ласки.

– Господи, хорошо-то как! – Ивыдохнул: – Тать-я-а-нка... Татя-ноч-ка...

На улице уже смеркалось. Красноватый закат (непогодь, что ли, назавтра обещается?) был в тон их разгоряченными телам. Они присели на лавку возле бани, и вдруг Татьяна в сумерках послышалась, что он, как в молодости, сказал тем особенным голосом:

– Тань, а кваску холодненького у нас не найдётся?

– А как же!

Сама того не ведая, что Василию захочется квасу, Татьяна накануне действительно завела его как раз в той бадееке, которая вечно под брагой стояла. Она молодого вскопила и вынесла две литровых кружки – для себя и для него – того, другого, уже немного забытого за годы мужа Василия.

Вот такие дела! И ты хочешь зелёному змию бой дать? Дакиди к Ваське – лекарь ему свой адрес розгами на всю жизнь написал!

Дмитрий КЛЕСТОВ

Ни родных, ни поклонниц, ни друга.
Разделить нескладёху-беду
Я пернатых с далёкого юга
Как второго приветствия жду.

Не одну обустроил скворечню,
Не одни проглядел я глаза.
Мне отродно в распутице внешней
Только их смаковать голоса.

Как увижу, ребяческим свистом
Взбаламучу быкалую прыть,
Чтобы в жизни паршивой не киснуть,
А надеяться. Верить. Любить!

* * *

Найду счастливый гривенник,
И тотчас всё исполнится:
Я буду видеть, чувствовать,
Всё зная наперед...
Звонарь с красивым именем
С высокой, гулкой звонницы
Рассыпчатыми звонами
К заутрене зовёт.

А кто-то спешно бреется,
А кто-то вяло мылится,
А кто-то водкой горькую
Уже поганит рот.
Идёт в луга альпийские

Удойная кормилица,
Она не только гривенник –
Полтинник принесёт.

А вслед за ней подпаском я
Иду тропинкой росною,
Звонарь с красивым именем
Мне аллилуйя шлёт...
Довольно тешить сказками:
Ведь это у kiosка – я,
Нашёл счастливый гривенник,
И вот – поганю рот.

* * *

Мне стало
до чёртиков весело,
И вроде по глупому поводу:
Сорока нашла равновесие –
Стрекочет и скачет по проводу.

Что птица убогая, сирая
С позиции жизненной?
Я сам без конца балансирую
На жёрдочке хиденькой.

А чтобы меня не обвесили
И тут же не отдубасили –
Я нахожу равновесие
В любой катавазии.

* * *

Отстегала колючими розгами
Вьюга-стужа любимые сосны
И усыпала снежными гроздьями,
Укротив свою дурость несносную.

Мы идём по волшебному кругу,
По тропинкам старинного бора,
Озаряем улыбой друг друга,
Комплиментом, усмешкой, задором.

Незнакомки и наши знакомцы
Нам кивают небрежно и лестно:
Все мы пестованные питомцы
Непорочного русского леса.

* * *

Здесь царит несказанное братство,
Борь тому – круговая порука.
Слава богу, щёкё улыбаются
Мы умеем, встречая друг друга.

Это клоны инкубатора
Да фабричного гнезда
Выражения крылатого
Не слышали никогда.

И ни семечка, ни зёрнышка,
Чтоб в навозе отыскать –
Не умели наши золушки
Ни грести, ни загребать.

Петушок, в деревне купленный,
И не пакостный совсем,
Знал в округе, как облупленный,
Каждый уличный гарем.

Новизна обескуражила:
Столь неклёванных невест!
А потом облагоураживал
Диким курочкам насест.

Бесприданницы увечные
На курином на веку
Привыкают к человечеству
И мужскому языку.

